

СВЯТОСЛАВ

ЯД ВО ПЛОТИ

Конкурс
«Со слов очевидцев 2026»

Финалист

Литрес

Евгений Заикин

Евгений Заикин

Святослав. Яд во плоти

«Автор»

2026

Заикин Е. Н.

Святослав. Яд во плоти / Е. Н. Заикин — «Автор», 2026

КНИГА ВОШЛА В ШОРТ ЛИСТ КОНКУРСА "СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ" В 2026 ГОДУ! Начало XVI века. Граница Московского княжества. Дочь влиятельного помещика загадочно заболевает перед венчанием. Молодой лекарь по имени Святослав из ближайшего монастыря волей судьбы оказывается ответственным за её жизнь. Природа болезни остаётся неясной. Первоначальные сведения указывают на человеческий умысел, но слухи твердят о божественной каре или вмешательстве тёмных сил. Среди подозреваемых практически одни представители знатного сословия, что затрудняет сбор сведений и тормозит расследование произошедшего. С каждым днём состояние девушки становится всё хуже. На выяснение причин происходящего отводится лишь несколько дней, по истечении которых она погибнет, а зарождающийся помещичий союз семейств разрушится.

© Заикин Е. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Приезд знатного помещика	5
Занятые истории страждущих	9
Походный лагерь	14
Расследование начинается	20
Время интересных разговоров	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Заикин

Святослав. Яд во плоти

Приезд знатного помещика

Ранним весенним утром солнце осветило большой каменный монастырь, возведенный возле чистейшего зеркального озера. Окна монастыря выходили на северо-восток, поэтому свет начинал проникать в монашеские кельи, практически с восходом солнца. В этом году весна выдалась необычайно ранней и тёплой и ставни на ночь не закрывались. Свежий воздух, идущий со стороны леса, который величественно расположился в непосредственной близости от монастыря, помогал быстрее проснуться. Весёлый щебет птиц, радующихся первым тёплым дням, также служил приятной причиной пробуждения.

Солнечные лучи проникли в мою келью. Несмотря на узкое арочное окно, которое было единственным в моём скромном жилище, утренний свет осветил всю мою комнату. Келья, служившая мне моим жилищем, была аскетичной, как и остальные комнаты мирских и монахов при монастыре – деревянная кровать, собранная из двух деревянных досок, прибитых к полу на небольшие ножки, круглый деревянный стол и квадратный табурет. На столе лежала толстая книга в кожаном потёртом переплёте. Это так называемый лечебник – практическое руководство местных лекарей. Весь их опыт и практические советы были в ней. В углу комнаты стоял небольшой, высотой по пояс обычному человеку, самодельный деревянный шкаф, служивший для хранения моих личных вещей. На нём были расставлены иконы.

Я – молодой, крепко сложенный юноша с ухоженной бородой, пышными усами, переходящими в бороду, и короткими русыми волосами стоял у окна и наслаждался свежим утренним воздухом. Послушав щебет птиц и вдоволь налюбовавшись природой, я отошёл от окна и приступил к утреннему умыванию. Под столом находились кувшин и таз, наполненные ледяной колодезной водой.

Умывшись и одевшись, я вышел из своей кельи и направился в трапезную. Задержавшись у окна, теперь я шёл по опустевшим каменным коридорам. Очевидно, остальные обитатели монастыря уже принимали завтрак. Неожиданно я услышал чьи-то шаги из примыкающего коридора к лестнице, по которой спускался.

Это был один из старейших монахов нашего монастыря – Тихон. Пожилой мужчина с длинной густой серой бородой и такими же лохматыми серыми волосами на голове. В меру строгий и очень добрый человек, прощавший мне, порой не всегда уместное горячее юношеское поведение. Тихон изначально увидел во мне гибкий ум и необычные способности к запоминанию информации. Он первый, кто привел меня в монастырскую библиотеку и обучил грамоте. Вне стен монастыря он дал мне навыки защиты и обороны в бою, брал с собой на охоту, рассказывал о повадках зверей – всегда был помощником и советчиком.

Сам Тихон был самой таинственной фигурой в монастыре. Он жил здесь уже давно, и, наверное, никто уже не знал, как именно он появился здесь, что порождало множество слухов о его происхождении. Кто-то говорил, что он бывший разбойник, который принял постриг, чтобы искупить свои грехи. Согласно другой версии, он является своим человеком из Москов-

ского княжества, который присматривает за монастырём и тайно докладывает о том, что в нём происходит, самому Великому Князю Московскому. Однако для всех жителей монастыря он был добрым дедушкой с хитрыми глазами и в отличной физической форме.

Вместе с Тихоном мы дошли до трапезной. Она представляла собой большой каменный зал с высокими потолками, которые поддерживались широкими колоннами. По моим подсчётам, это помещение могло вместить в себя не менее пятисот человек. Это было вполне объяснимо, так как говорили, что монастырь был построен как опорный пункт для военных действий, и в случае отхода или прибытия войск поддержки у них должно было быть место для отдыха и подготовки к дальнейшему движению. Мои друзья среди монахов и остальных мирян встречали меня улыбками и приветствовали. По правилам мы молча здоровались друг с другом. Если кому-то хотелось что-то обсудить с кем-то до завтрака, то делать это разрешалось только шёпотом и за пределами трапезной. Прочитав утреннюю молитву, мы принялись завтракать. Завтрак, как всегда, был скромен – каша, хлеб и вода.

– Святослав! – услышал я знакомый голос, выйдя из трапезной. Этот голос, обладавший густым басом, я знал и любил с детства. Он принадлежал моему приёмному отцу, настоятелю монастыря Серапиону. Отец был человек среднего роста, но достаточно крепкого телосложения. Одет он был в длинный до пят кафтан серого цвета и рясу, поверх которых находилась мантия тёмного цвета. В его больших серых глазах чувствовалась вся глубина его мудрости, отражались спокойствие и большой жизненный опыт. Серапион руководил монастырём мудро и справедливо. Его почитали за здравомыслие и справедливость, миряне шли к нему за благословением и советом. Я же любил Серапиона безусловно, как родного отца. К моему огорчению у меня не было никакой информации о своих настоящих родителях. Мой приёмный отец не рассказывал мне даже то, как стал для меня таковым. Эта информация хранилась в тайне, но я не оставлял надежды рано или поздно узнать правду.

– Да, отец, – с почтением произнес я. – Рад видеть вас!

– Подойди ко мне, сын мой! – велел он мягким, но твёрдым голосом, означавшим, что сегодня меня ждёт задание, которое носит персональный характер.

– На сегодняшний день меня ждут особые указания? – с интересом поинтересовался я.

Серапион подошёл ко мне ближе, почти вплотную. Он явно не хотел, чтобы нас кто-то ещё мог услышать. Несмотря на то, что каменный холл был пуст и все монахи разошлись по своим послушаниям, а мирские по своим делам, звук распространялся по монастырю достаточно далеко.

– Давай я провожу тебя до посёлка и дам кое-какие наставления, – сказал он тихо. При этом он легко, но уверенно подтолкнул меня к выходу, таким образом подавая знак, что возражения бессмысленны.

Я с детства жил при монастыре, но так и не стал монахом. С юных лет я искал рациональное зерно во всём, в чём только можно было, подвергая некоторые постулаты сомнению. Мне хватало мудрости делать это в формате вопросов, дабы не злить обитателей монастыря. В итоге, решив, что монаха из меня не выйдет, Серапион и Тихон стали привлекать меня к работам иного рода. Наш монастырь хранил множество книг. Поэтому в обязанность мне вменили содержать библиотеку в должном порядке.

Кроме того, монастырь служил пограничной зоной на границе княжеств. Нередко случались набеги враждующих с Московским княжеством князей да налёты организованных разбойников, желающих занять столь значимый отрезок земли. Почти все монахи и мирские обучались владению оружием и умело защищались, используя навыки военного искусства. Защищая монастырь, его жители были вынуждены совершать страшный грех, разя насмерть нападавших, после чего Серапион проводил многодневные обряды по искуплению греха, совершённого при защите жизни и родной земли.

Я был слишком мал чтобы напрямую участвовать в сражениях. Ознакомившись с медицинской литературой, я стал активно помогать ещё тогда живому лекарю Михаилу. Вместе мы ставили на ноги раненых защитников монастыря и излечивали напасти страждущих жителей. Я делал большие успехи во врачевании и стал местным лекарем не только для монахов, но и для мирян, живущих в Озерске – посёлке рядом с монастырем. В утренние часы, когда монахи и мирские нашего монастыря занимались своими обыденными делами, я направлялся в посёлок для лечения и выявления страждущих.

Страждущих в нашем монастыре сейчас не было, и поэтому я сразу мог направляться в Озёрск. Там меня хорошо знали и всегда радостно принимали. Выйдя из монастыря, мы с Серапионом неспешно пошли по дорожке, ведущей к посёлку.

– Святослав, - наконец начал он – мне сообщили, что через наши края путешествуют знатные помещики. Это Василий Никитич Сторожев с дочерью Дарьей и Пётр Васильевич Прокольный с сыном Александром. Во время своих отношений помещики так сблизились, что хотят закрепить свой деловой союз, посредством женитьбы детей. Поэтому просят меня благословить их на венчание.

– Я полагал, что Господь благословляет тех, кто во истину любит, а не тех, кто заключает брак по желанию своих родителей – озвучил я своё мнение.

– Возможно, но таковы порядки в знатных семьях. Я не встречал никого из знати, кто был бы женат по обоюдному согласию, – задумчиво сказал отец, после чего строго посмотрел на меня. – Однако не смей сказать ничего подобного в их присутствии. Твоя задача – поприветствовать дорогих гостей в нашем посёлке и сообщить, что в дальнейшем передашь им от меня время, когда мы сможем провести процедуру благословения.

– Хорошо. Я буду следить за собой и говорить только по делу. Мне следует навестить их сразу же по прибытии в Озёрск или сначала пройти по страждущим?

– Сначала выполни свой обычный долг. Не задерживайся, но и не торопись. Лучше всего подойди между временем завтрака и обеда. Люди такого статуса, как наши гости, не очень любят ранние приёмы пищи. – с этими словами отец достал сложенную бумагу из-под полы своего одеяния и протянул мне. – Это верительная грамота, подтверждающая, что ты являешься моим доверенным лицом и что ты практикующий лекарь. Знатные люди на слово не верят, да и стража кого попало к ним не пропускает.

Мы расстались у поворота на озеро. Одна дорога вела от него к монастырю, а другая — к посёлку. Когда отец направился обратно к монастырю, я некоторое время смотрел ему вслед.

Медленной походкой Серапион удалялся по тропинке. Спустя некоторое время, когда фигура отца стала вдвое меньше, я развернулся и бодрым шагом проследовал в Озёрск.

Занятные истории страждущих

Сам посёлок был назван в честь близлежащего озера, кристально чистого и очень бодрящего. Живописные леса, полные зверья и птиц, стояли по одну сторону от Озёрска, а по другую - поля и луга, которые каждый день обрабатывались жителями посёлка. Деревянные и каменные дома в посёлке органично вписывались в окружающую природу.

Озёрск активно развивался и являлся достаточно большим посёлком по меркам близлежащих деревень. Этому способствовало его географическое положение. Сквозь посёлок шла дорога из Московского княжества в другие земли. Озёрск был пограничным пунктом на краю этого княжества и представлял собой не только транспортный, но и важный территориальный узел княжества. Вероятно, поэтому монастырь был построен больше по военным канонам, чем по монастырским.

Прямо на въезде в посёлок, во втором с краю доме, жил мой первый подопечный. Это был молодой человек, которого одолела самая обыкновенная простуда. Парню захотелось показать себя перед местными девушками, и он не нашёл ничего лучше, чем пойти ночью и переплыть туда и обратно озеро. Ему очень повезло, что у него во время заплыва не свело ни одну часть тела. Иначе был бы сейчас не больной, а утопленник.

Я осмотрел его, послушал дыхание, замерил пульс после нескольких десятков физических упражнений и сказал, что он почти выздоровел и может приступать к своей обычной жизни.

Почти у всего населения посёлка не было денег и ценностей и лечил я их бесплатно, по заветам отца и монастырским устоям. В качестве благодарности жители благодарили меня едой и различными безделушками. Делалось это в строжайшем секрете, потому что я должен был поддерживать строгий образ мирского человека при монастыре. В противоположность устоявшимся правилам, я не видел ничего плохого в благодарности за своим услуги. Я одинаково лечил всех страждущих, но всегда считал, что каждый из них должен отблагодарить в той форме, в которой может. Даже если это будет простое словесное спасибо. В этот раз бабушка этого парня угостила меня яйцом и питьевым мёдом.

– Сынок, кушай, не торопись. Спасибо тебе за внука моего, за обалдуя этого, который вместо того, чтобы побольше работать в поле, с девками ночами развлекается, а потом спит с косой в руке. – запрочитала старушка, усевшись рядом со мной за стол.

– Не ругайте его, бабушка. Это естественно в нашем возрасте. – успокаивал я хозяйку дома. С её внуком мы были примерно одного возраста. Поэтому, как молодой человек, я прекрасно понимал его тягу к противоположному полу.

– Естественно это или неестественно, а порядок должен быть соблюден, – строго ответила старушка. – Надо к посеву готовиться. Весна же быстро пройдёт, не заметишь. Моргнёшь, а уже лето настанет, и опоздаем.

– Не волнуйтесь. Женится, остепенится и станет работать в два раза усерднее. Как говорится, когда мужик доволен, то и дело быстрее делается.

– Ты слишком добр к этому обалдую, Святослав. Но в общем-то ты прав. Хорошая девка есть у меня на примете, дай Бог осенью сыграем свадьбу! – добродушно и весело принялась рассказывать мне хозяйка. – Может, хочешь ещё медовой водицы?

– Нет, спасибо, – вежливо ответил я и поднялся из-за стола. – Вы очень любезны, бабушка, однако меня ждут другие страждущие. Негоже мне будет распивать здесь напитки в беседах с вами, пока они мучаются.

Пожилая женщина улыбнулась и проводила меня до двери. Я направился в самый центр посёлка. Там меня ждал крепко сбитый дом женщины по имени Ефросинья. Крепкая дверь, резные наличники на окнах, добротная сделанная из дерева голова коня на крыше дома — всё это говорило о благосостоянии владелицы этого дома. Ефросинья, помимо того что была достаточно зажиточной крестьянкой, была ещё и центром всех сплетен в Озёрске и за его пределами. Она всегда знала самые последние слухи и сплетни. К слову сказать, последние она и сама очень любила порождать. Однако для меня в первую очередь она была прекрасным источником сведений о жизни в округе, о новых событиях и людях.

Случилось так, что Ефросинью свалила горячка. Конечно, злые языки первым делом стали говорить о Божьем гневе. Однако я придерживался другого мнения. В первые дни я много поил её потогонными средствами, различными настойками. Это помогало сбить жар. В одной из книг в монастырской библиотеке я узнал о влиянии некоторых трав на горячку и стал активно применять их, заваривая особые целебные настои. Со мной она, наверное, выпила различных, как их называли, зелий больше, чем выпила воды за всю жизнь. Однако это ей помогло, и сегодня я не был удивлён, когда она, уже почти полностью выздоровев, сама встретила меня у порога своего дома.

– Заходи, Святослав! Я тебя заждалась! – с улыбкой поприветствовала меня Ефросинья.

– Я вижу, вы в добром здравии. Прекрасно выглядите. Знаете, когда девушка начинает ухаживать за собой и принаряжаться, это значит, что она абсолютно здорова, – улыбнулся я в ответ.

Мои комплименты и кокетство отлично действовали на Ефросинью. Она была ещё не пожилая женщина, и ей льстило такое внимание со стороны молодого человека. К слову сказать, выглядела она словно восемнадцатилетняя девушка. Многие женатые мужчины и молодые парни тайком поглядывали на неё, а замужние женщины и свободные девушки в это время старательно придумывали новые слухи про Ефросинью.

– Проходи, проходи, милочка. Все бы молодые люди в нашем посёлке были такими учтивыми и галантными, – лицо хозяйки дома выражало самые приятные чувства, какие могла испытывать девушка, услышав комплименты.

Мы прошли в её дом и уселись за крепко сбитый стол, по бокам которого виднелись красивые вырезки, которые определённо делались специально и под бдительным надзором хозяйки. Осмотрев Ефросинью, я сообщил радостной хозяйке, что её горячка прошла. Поскольку она была человеком сильно религиозным, я всё равно прочёл ей несколько коротких молитв о здравии.

– Ты, наверное, голодный, Святослав? Давай я тебя накормлю чем-нибудь, – любезно предложила хозяйка.

– Спасибо, но не надо. Наши правила позволяют нам соблюдать ограничения в пище и питаться только в определённое время суток, – на самом деле я уже был сыт, и объедаться не хотелось. – Вы выручите меня намного больше, если расскажете, что происходило в посёлке последние несколько дней.

– О! За этим дело не станет! – Ефросинья начала мне рассказывать, как недавно поймали воришку в посёлке, как муж женщины из седьмого дома к югу напился и орал песни всю ночь и как его утихомиривали. Слушал я внимательно, но ждал момента, когда она начнёт рассказывать про дорогих гостей – помещиков. Ведь это было такое событие для нашего посёлка, что Ефросинья должна была в числе первых обладать всей возможной информацией об их приезде.

– Приехали к нам вчера помещики. Со стражей в металле, со свитой, прилежно одетой. Детей своих, говорят, хотят браком связать. Для этого у вашего батюшки хотят благословение получить. – Ефросинья сделала театральную паузу и внезапно громким возгласом продолжила: – А дочка-то его прокажённая! Трясёт её всю! Вся белая! Говорят, демоны её так скрутили, что ходить не может. Разбили походный лагерь прямо у посёлка с восточной стороны!

– Подождите, почему походный лагерь? Наш посёлок достаточно крупный и активно развивается, можно было остановиться в постоялом дворе или сразу же отправиться в наш монастырь.

Первые же сведения, которые я получил, насторожили меня. Слишком странное поведение для знати. Что могло вынудить знатного помещика с больной дочерью разбивать походный лагерь недалеко от монастыря, в который они направлялись?

– Кто ж знает, Святослав! Наверное, свои какие-то секреты у знати. А может, она настолько одержимая, что отец стыдится показывать её людям и монахам. Может, понимает, что уже зря приехал, и поэтому боится ещё больше прогневить Бога, явившись в монастырь, – предположила Ефросинья и продолжила рассуждать уже сама с собой: – Хотя нет! Бесноватым, как раз дорога к священнику...

– Что именно произошло с дочерью помещика? – прервал я хозяйку дома

чтобы направить разговор в нужном направлении.

– Люди говорят, что слегла она, вся бледная, и голоса её с ума сводят. Как такую замуж-то брать? Возможно, её отец совершил тяжёлый грех, и поэтому на него ниспослано такое наказание! А возможно...

– А кто именно входит в состав этих гостей? – я решил сразу перебить Ефросинью, потому что если дать ей перейти от сплетен и фактов к её фантазиям, то можно не только потерять всю нить разговора, но и не заметить, как утро перейдёт в ночь.

– Два помещика, дочь, сын, около дюжины стражников и полдюжины слуг, – как ни в чём не бывало ответила Ефросинья, как будто сама видела их и сумела сосчитать.

– Вам бы в секретных агентствах нашего Великого князя Московского работать! – улыбнулся я ей.

Выходя из дома Ефросиньи, я направился к хозяину постоянного двора. Его звали Ефим. Это был деловитый мужчина с хитрыми маленькими глазами, едва видневшимися из-под густых чёрных бровей. Его борода была настолько густая, что, соединяясь с усами, они полностью закрывали рот, и можно было подумать, что звук выходит изнутри самого говорящего. Поскольку Озёрск активно развивался благодаря тому, что через него стали проходить различные торговые и военные маршруты, постоянный двор Ефима пользовался большой популярностью. Поскольку он был единственным в посёлке, хозяин не счёл нужным дать ему определённое название. У Ефима болели ноги, и я еженедельно читал молитву во исцеление, проводил парение ног и смазывал их различными мазями. Он был самый влиятельный и зажиточный крестьянин в посёлке, и к такому человеку определённому нужно было особое внимание. Несмотря на свой статус среди жителей посёлка и свою замкнутость, ко мне он всегда относился лучше, чем к другим людям. Возможно, потому что после каждого моего прихода он чувствовал себя лучше.

У входа меня встретил Прохор, управляющий. Среднего возраста щуплый мужчина в длинном кафтане и черных кожаных сапогах, он был давним другом и помощником Ефима. Он, как всегда, радушно поприветствовал меня и проводил меня к страждущему.

– Добрый день, Ефим! Как вы себя чувствуете? – поздоровался я, войдя в комнату хозяина постоянного двора. Это была одна из самых опрятных и добротных комнат. Красивые вырезки на окнах были не только снаружи, но и внутри. Всё, что находилось в комнате, начиная со стула и стола и заканчивая шкафами, было необычной формы, с вырезками и рисунками разных, но неярких, цветов.

В своём постоянном дворе он держал как обыкновенные комнаты для простолюдинов, так и более элитные, для купцов, начальников военных отрядов и прочих представителей более знатного сословия. В его заведении было два входа: один для простолюдинов, второй — для знати. Здание было спроектировано таким образом, что в одной его части мог быть обыкновенный мордобой и веселье, а в другой — спокойная, тихая атмосфера для привилегированных господ. Надо отдать должное фантазии Ефима – его постояльцы могли соблюсти инкогнито, а люди разных сословий не встречаться друг с другом. Очень сильная прослойка посередине здания полностью заглушала все звуки между двумя частями здания. Разумеется, были и секретные ходы, позволяющие переходить между первой и второй половиной здания. Но о них никто, кроме самого Ефима, Прохора и, возможно, нескольких его слуг, не знал. Я догадался о его существовании совершенно случайно, когда увидел с улицы, как Прохор вошел в зал для знати и почти сразу же вышел через входную дверь в противоположном конце здания.

– Ох, Святослав, низ спины болит и ноги болят. Только после вашего лечения на несколько дней отпускает, а потом опять схватывает, – пожаловался мне Ефим, лёжа на кровати.

Мы не стали тратить много времени на разговоры и сразу приступили к лечению. Я смазал его ноги специальным травяным раствором, который снимал воспаление и отёчность, после чего прочитал несколько молитв и дал ему общий тонизирующий напиток из ромашки.

Мне не терпелось расспросить его про ситуацию с походным лагерем гостей посёлка. Не сомневался, что он знал не меньше Ефросиньи. Однако в отличие от неё, он не был таким же общительным. Как и положено зажиточному крестьянину, он был осторожен и держал язык за зубами, говоря коротко и по делу.

– Скажите, Ефим, вы слышали, что рядом с посёлком расположился походный лагерь помещиков, приехавших в наши края?

– Конечно! Хотя я не понимаю, почему они выбрали такое решение, – сказал Ефим с очевидной досадой. – Я предложил им свой постоянный двор, дал слово, что здесь они будут окружены комфортом и заботой, но они всё равно предпочли воспользоваться походным лагерем.

– Они как-то аргументировали это? – Я высоко поднял брови, всем видом показывая, свое крайнее удивление.

– Нет! Только этот будущий женишок всё вертелся вокруг нас и чуть ли не кричал, что или они останутся в лагере, или всё отменяется, что никуда никто не пойдёт, пока событие не произойдёт. Что произойдёт? Что отменяется? Одному псу известно.

– Весьма интересно, – задумчиво сказал я. – Они до сих пор там?

– Скорее всего там, куда ж им деваться! Думаю, еще изволят поживать. Знать, знаешь ли, любит подольше поспать, – последние слова были сказаны с едва скрываемым пренебрежением.

После этих слов Ефим сказал, что хочет отдохнуть. Я понял его намёк, собрался и вышел. Ефим мог оказать нашим гостям великодушный, знатный приём, особенно когда чуял материальное благосостояние гостей, однако не смог их уговорить. Это было странно. Посоветовав ему отдохнуть, чтобы закрепить лечебный итог, я поставил у изголовья кровати новые баночки с мазями. И попрощавшись, вышел за дверь.

– Крепыш, проводи! – крикнул Ефим огромной лохматой сторожевой собаке, которая спокойно лежала за дверью комнаты. Она дружелюбно, но деловито проследовала вместе со мной к выходу.

К полудню посещение страждущих было закончено. Я получил ценные сведения, и теперь мне предстояло направиться в походный лагерь и познакомиться с его хозяевами, а также ознакомиться с ситуацией, которая казалась мне очень подозрительной. Если дочь помещика плохо себя чувствует, то единственным верным решением было бы сразу прийти в монастырь и попросить исцеления у монахов. Ждать неизвестного исхода сомнительной болезни, не имея своего лекаря, было слишком опрометчиво. Разбивать лагерь у подножия монастыря, конечной точки вашего пути, было не оправданно. Кроме того, если по каким-то причинам они не хотели остановиться в монастыре, то можно было себе позволить остановиться у Ефима в постоянном дворе, который был бы явно намного комфортнее походного лагеря. Вопросов было больше, чем догадок на возможные ответы. Прибавив шагу, я поспешил в лагерь.

Походный лагерь

По пути в походный лагерь ничего странного не происходило, да и не могло произойти, так как он находился в непосредственной близости от Озёрска. Этот весенний день был на редкость тёплым и солнечным. Я шел по лесной тропинке, наслаждаясь пением птиц и красотою местной природы. Кругом зеленели деревья, цвели кустарники, а воздух был наполнен свежестью и влагой, идущей от близлежащего озера.

Несколько больших шатров походного лагеря помещиков виднелись уже издалека. Самый шикарный из них находился в центре и, без сомнения, принадлежал самому помещику Василию. Вокруг шатров ходили несколько стражников с собаками. Возле центрального шатра, располагались еще два по бокам, гораздо более скромные. Рядом с одним из них располагался кухонный блок: было разведено несколько костров, а между ними сутились скромно одетые люди, очевидно, прислуга. В воздухе стоял аппетитный запах мяса. В это время года, да еще в путешествии, его могли позволить себе только представители знатного сословия.

Стражники встретили меня, как и полагается хорошей охране – оба были лучниками и нацелились на меня, как только я показался на дороге к лагерю. Спасибо, что не стали сразу спускать собак, а придержали.

– Эй, крестьянин! Подойди и представься, кто ты таков! – услышал я громкий басистый голос одного из них.

Я медленно подошёл ближе и представился. Передо мной стояли двое здоровяков в хороших доспехах. Их луки были так же отлично сделаны, а наконечники стрел были ещё не обстреляны. Собаки надрывно лаiali, из их ртов во все стороны разлетались слюни, но грубый голос второго стражника заставил их сразу замолчать и послушно сесть возле его ног, наблюдая за происходящим и не издавая никакого шума.

– Ты кто будешь, мужик? – спросил меня здоровяк, отдавший приказ собакам.

– Я служитель монастыря при посёлке Озёрске. Меня прислал настоятель монастыря Серапион по личному делу к помещику Василию Сторожеву. Если вы позволите, я достану верительную грамоту и покажу её вам.

– Доставай, – приказал стражник, не сводя с меня пристального взгляда.

Короткий и лаконичный ответ охранника удивил меня. Я достал грамоту и показал её. Сегодняшний день был достаточно тёплым, и, видимо, стражникам разрешили снять шлемы. Пока они знакомились с грамотой, я с любопытством рассматривал их лица. В глазах здоровяка я прочёл абсолютную пустоту при взгляде на бумагу. Вероятно, бедняга не умел читать. Стражник сделал умное лицо, делая вид, что прочитал верительную грамоту, и сказал, что лично проводит меня в шатёр к помещику.

Пока мы шли в главный шатёр, я обратил внимание, что походный лагерь был установлен по всем правилам военных учений. Главный шатёр в центре окружён шатрами поменьше, где располагалась охрана и прислуга. Стражники с собаками постоянно патрулируют периметр

лагеря. Слуги находятся в строго отведённых зонах. В одном месте располагалась походная кухня под открытым небом. В противоположной стороне лагеря находились прачечная и склад отходов, судя по мешкам и грязной одежде, лежащей в деревянных вёдрах.

Войдя в центральный шатёр, я был поражён его пышностью и благоустройством. Сложно представить, что всё убранство и грациозность на самом деле являлось шатром походного лагеря. Всё, на что опускался мой взор, было сделано из самых лучших материалов: красивые вырезки на деревянных предметах, золотая обивка, интересные фигуры по углам. Сам же шатёр был разделён на несколько маленьких комнаток. Вероятно, это было сделано для того, чтобы разместить несколько семей, а также изолировать больную. Интересно, чем именно занимался помещик Василий, что успел нажать такое состояние? Помещичье дело появилось относительно недавно, а тут обстановка, как будто он не помещик, а боярин. Осматривая помещение, я понял, почему они решили остановиться в походном лагере, а не у Ефима в постоянном дворе. При всём моём уважении к постоялому двору Ефима, он не выдерживал никакого сравнения с тем убранством, что я наблюдал.

Однако много времени на то, чтобы хорошо изучить обстановку, у меня не было. К нам на встречу вышел сам помещик Василий Сторожев. Это был солидный мужчина, широкоплечий, с ухоженной чёрной бородой и такими же ухоженными волосами. Сапоги с позолотой, тёмно-синий кафтан, пояс, вышитый золотом, на котором крепились ножны, из которых виднелась золотая рукоятка меча. Взгляд властный, не приемлющий пререканий. Однако на секунду в них промелькнула усталость и сильная горечь.

Как и полагается, я сразу же сделал поясной поклон и после этого тихим сдержанным голосом представился:

– Служитель монастыря при посёлке Озёрске, Святослав. Прибыл по указанию настоятеля монастыря Серапиона. Послал он меня разузнать о ваших планах. Как скоро мы можем ждать ваших детей на благословение Господне?

– Пока я не могу дать тебе ответ, монах, – холодным тоном ответил помещик. – Возникли непредвиденные обстоятельства, в силу которых мы пока не можем оказать вам честь принять нас в своём монастыре.

– Понимаю, – сказал я, стараясь не смотреть на помещика, а как можно больше осмотреть обстановку в шатре и одежду самого Василия. Такого великолепия как здесь мне никогда не доводилось видеть. Резкий тон помещика оборвал мои мысли.

– Тогда иди. Выведи его, – обратился помещик к охраннику, кивнув последнему головой и сделав слегка заметный жест рукой.

Но прежде чем стражник потянул меня за рясу, я набрался смелости и всё тем же слабым, тихим голосом обратился к помещику. Нужно было найти предлог, чтобы задержаться здесь и разобраться в том, что происходит в этом походном лагере. Являясь лекарем, я мог рассчитывать на радушный приём, особенно при сложившихся обстоятельствах. Если помещик откажется от услуг целителя, пусть даже монастырского или сельского, это будет крайне подозрительно.

– Помилуйте, знатный господин. Я являюсь здешним целителем. Вот верительная грамота, подтверждающая это, – с этими словами я медленно достал грамоту и протянул её помещику. – Я слышал, что у вас беда приключилась. Позвольте ли вы мне разобраться с нею? Почту за честь помочь вам.

Помещик Василий Сторожев был весьма удивлён, взял грамоту, прочитал её и на несколько секунд задумался.

– Ну, проходи, лекарь, – задумчиво сказал хозяин лагеря. – Думаю, вреда не будет.

Он приоткрыл ширму в соседнее отделённое помещение и зашёл туда. Дружинник подтолкнул меня вперёд, и мы вместе последовали за ним. В этой комнатке было лишь одно спальное место. Однако оно было довольно богато обустроено: дорогие одеяла с золотыми вышивками, подушки с изысканно сотканными рисунками, различные платки, добротнo сшитая из самых лучших материалов одежда. Рядом находился небольшой столик, сделанный из добротного дерева с гравировками и вырезками, на котором стояло несколько свечей. У ножек столика стоял большой позолоченный кувшин с цветами.

На кровати, под одеялами, лежала девушка. Это была одна из самых красивых девушек, что мне приходилось видеть. Густые белокурые волосы, большие голубые глаза. Взгляд девушки был испуган и наивен, но в то же время пристальный и строгий. Единственным недостатком была необычайная бледность. Однако это не могло испортить её красоты. Я стоял, не в силах отвести от неё глаз. Её смелый взгляд осмотрел меня и остановился на моём лице. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и никто не осмелился первым перевести взор на что-либо другое.

– Батюшка, кто это? – спросила девушка красивым, тонким голосом.

– Это лекарь из монастыря, дочь моя, – помещик показал рукой на меня и продолжил: – он осмотрит тебя.

– Расскажите мне, сударыня, что случилось с вами, – обратился я к ней, стараясь сделать свой голос и взгляд максимально добрыми, какие бывают у лекарей знати. Важно было как можно скорее получить расположение страждущей. Как только больные начинают полностью доверять лекарям, их лечение идёт самым успешным ходом. Это правило я быстро уяснил ещё в самом начале своей работы.

– Это началось несколько дней назад. У меня появилась сильная слабость, временами бывает горячка, трясет, кошмарные видения. Все думают, что в меня вселились бесы. – Голос девушки был слаб и тих, однако звучал он уверенно, что давало понять, что дочка помещика прекрасно понимает всё, что говорит, и не находится в дурмане.

– Не говори ерунды, дочь! – прервал её помещик Василий. Его голос был грозный и властный, однако в нём на мгновение промелькнула неуверенность. – Чтобы в мою единственную дочь вселились бесы – не позволю!

Я решил провести подробный опрос больной наедине. Скорее всего, девушка будет более откровенна, да и эмоциональный отец не будет мешать мне собирать информацию.

– Разрешите мне остаться с вашей дочерью наедине? Я хочу прочесть сильнодействующую молитву о здравии, но правила требуют, чтобы при этом присутствовали только священник и страждущий.

Помещик Василий, казалось, был ошарашен этой просьбой. Оставить свою больную дочь с человеком, которого он знает две минуты – это была слишком дерзкая просьба. Но, видимо, он цеплялся за любую возможность улучшить состояние дочери, и поэтому ярость и недоумение на его лице сменились усталостью и согласием.

– Хорошо, но знай, лекарь, если что случится – ты отсюда не выйдешь живым! – сказав это, помещик так сильно сжал мне плечо, что, уделяй я меньше времени физическим упражнениям, остался бы сейчас с вывихнутым плечом.

– Не будет житья мне, если сотворю что смурное или огорчу вас или вашу дочку, – поклонился я помещику в пояс, радуясь, что он убрал свою руку с моего плеча, и я смог им немного потрясти, чтобы избавиться от неприятных ощущений.

Помещик Василий с дружинником вышли. Я осмотрел девушку. Пульс был понижен. Дыхание редкое, но чёткое. Жара почти не было. Очень странно, учитывая то, что мне рассказывали о её состоянии ранее.

– Как давно у вас ухудшилось самочувствие, сударыня?

– Пару дней назад мы пили сбитень с батюшкой, моим суженым Александром и его отцом Петром Васильевичем. Минут через десять после этого мне стало плохо, закружилась голова. Я потеряла сознание, а когда пришла в себя, меня всю трясло. Спустя какое-то время я заснула, и мне стали сниться кошмары, я проснулась вся мокрая. Слуги говорят, я кричала неизвестные слова во сне, – начала мне с испугом в глазах рассказывать сударыня. Однако слова были сказаны быстро и сбивчиво, как будто были заранее подготовлены или заучены. Возможно, мне это показалось...

Дочь помещика оказалась на удивление разговорчивой. Даже без дополнительных расспросов рассказала мне всё, что я планировал у неё спросить, тем самым сильно облегчив моё исследование.

– Продолжайте, сударыня. Что было дальше?

– Мы собрались на венчание. В дороге мне снова стало плохо.

– Без причины или после употребления сбитня?

– Мы обедали. После этого мой суженный принёс мне сбитень. Но мы пили его вместе и с ним всё хорошо. Он прекрасно себя чувствует.

— Вы уверены, что с ним всё было хорошо? Возможно, он не рассказывает вам, чтобы не показаться слабым мужчиной, или его организм крепче вашего и лучше переносит недуги.

– Не думаю, – девушка на секунду задумалась. – Я думаю, если бы что-то с ним случилось, это тоже было бы очень подозрительно. Определённо, мой отец знал бы об этом и сообщил бы мне. Так что я уверена, что с ним всё в порядке.

– Понятно. Вчера вы тоже пили сбитень, верно?

– Да, лекарь, как вы догадались? Некоторое время назад слуга моего мужа принёс мне его для бодрости, но у меня совсем не было сил пить его.

– Я не просто лекарь. Я всю жизнь живу бок о бок с монахами и, хоть таковым не являюсь, многому узнал от них. От десницы Божьей не скроется никакая информация. – Я ей улыбнулся. Она слегка улыбнулась мне в ответ. – Сейчас я прочту молитву о вашем здравии.

Через десять минут дочка помещика спала. Я старался читать как можно монотоннее, чтобы она скорее расслабилась и уснула. Она сложила руки на одеяле, и я увидел слегка выпирающие вены. Это было нехарактерно для её возраста. Я открыл походную сумку и в один из пустых флаконов вылил часть сбитня, остальную часть вылил под кровать. Пусть думают, что девушка выпила его полностью.

Я вышел из комнаты девушки и моментально столкнулся лицом к лицу с помещиком Василием Сторожевым. Интересно, давно ли он тут стоял? Подслушивал ли он или просто ждал? Или это необычайное совпадение, и он просто шёл в комнату дочери, в то время как я выходил оттуда? В любом случае я ничего такого не сказал, однако на секунду я вспомнил, что взял пробу сбитня себе для исследования. Надеюсь, если он подслушивал, то хотя бы не подсматривал. Иначе придётся срочно придумывать какое-то объяснение произошедшему.

– Какие вести мне доложишь, лекарь? – грозно спросил он. Его суровый, пристальный взгляд застал меня врасплох. Понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с ответом.

– Ваша дочь спит, идёт на поправку, но окончательно говорить о её состоянии пока рано. Пока неизвестно, что вызвало такую реакцию у девушки.

– Хорошие вести! – выдохнул помещик, и волосы в его бороде распрямились. На небритом лице, как мне показалось, промелькнула улыбка. Определённо, он был рад услышать то, что я ему сказал. Его реакция показалась мне искренней. Пока он в приподнятом настроении, надо попросить его об услуге, которая может мне помочь с выяснением обстоятельств.

– Смиловитесь, разрешите мне зайти к вашей дочери на осмотр через некоторое время сегодня?

– Делайте что хотите, лекарь, если это поможет моей дочери, – властно сказал Василий Сторожев. – Я очень озадачен тем, что с ней происходит. За несколько дней до нашего отбытия сюда её осматривала тётушка, моя сестра, и наша домашняя знахарка, и она уверенно заявляла, что моя дочь абсолютно здорова и готова к браку.

– Благодарю вас. Это очень ценная информация, – я решил, пользуясь расположением духа помещика, расспросить его об обстоятельствах болезни его дочери. – Приношу свои извинения и прошу разрешения задать вам несколько вопросов.

– Задавай, лекарь, – весело хлопнул меня по плечу помещик. Его удар был мягким, но ощутимым. Очевидно, это был здоровый во всех смыслах вояка. – Что желаешь знать?

– Скажите, почему вы не добрались до нашего храма? Ведь он всего в пятнадцати минутах ходьбы от этого места. Там бы вам оказали своевременную помощь и большой почёт.

– Такова была просьба её суженого. Он сказал, что не допустит вхождения в храм с невестой, которая больна. Как он сказал, в такие места на благословение брака должны заходить только здоровые люди, – помещик тяжело вздохнул. – Сын моего друга, помещика Петра, с которым мы давно знакомы, очень напуган её состоянием. Он думает, что демоны завладели моей дочерью. Его отец, естественно, поддерживает сына. Кто захочет в невестки... – тут помещик прервался, и мне показалось, что по его крупной, морщинистой щеке прокатилась слеза. Он шмыгнул носом и сказал уже другим, не приказным тоном: – Приходи как можно скорее, лекарь. Я жду тебя. Настоятелю храма передай, что мы не сможем туда прибыть, пока моя дочь не будет исцелена. Ближайшие несколько дней мы пробудем здесь. Я очень надеюсь, что вы, лекарь, сможете ей помочь.

Я учтиво поклонился помещику в пояс и вышел из шатра. Пожалуй, что бы ни происходило здесь, помещика Василия можно было заподозрить в чём-либо с минимальными шансами. Очень уж искренне он говорил, когда речь заходила о его дочери.

Я знаю, когда люди лгут. Бывают случаи, когда мои страждущие пытались обмануть меня со своими недугами. Кому-то нужен был выходной, чтобы сбежать и купить то, что он давно хотел на ярмарке, которая завтра уезжает. Кто-то просто лентяй. Кто-то, наоборот, говорил, что он здоров и готов работать за троих, когда сам еле мог подняться с кровати. Я всегда знал, когда меня вводят в заблуждение. Иногда делал вид, что я поддался на это, иногда выводил на чистую воду. Тут я мог точно сказать — помещик Василий сегодня ни разу не соврал и ничего не утаил.

При выходе из шатра запах жареного мяса ударил мне в нос. Это была свинина. Её запах пробудил во мне зверский аппетит. Боясь поддаться искушению попросить мяса, я быстрым шагом пошёл прочь от этого места. Хмурый охранник встретил меня презрительным взглядом.

– Помещик Василий просил сегодня ещё раз прийти осмотреть его дочь, – сказал я на выходе из лагеря совершенно безучастному стражнику. Его лицо не выражало вообще никаких эмоций. Может, он контуженный?

– Угу, приходи, – сказал он, продолжая пожёвывать росинку в зубах и глядя на меня, как на пустое место. Я даже обернулся назад. Возможно, он смотрел на что-то за мной. Но нет. С теми же стеклянными глазами и отсутствующим взглядом он подвинулся, пропуская меня к выходу, и указал рукой на него.

Расследование начинается

Прогуливаясь по лесной тропинке, я вспоминал до мельчайших подробностей всё, что увидел и услышал, находясь в лагере. Все мои мысли и чувства были подчинены последним событиям дня. От навязчивых дум меня отвлек колокольный звон, идущий из монастырской колокольни, говоривший об окончании службы. Значит скоро все его обитатели потянутся в трапезную на обед, я ускорил шаг.

Поздоровавшись с братьями-монахами, вернувшимися со своих рабочих дел, я отобедал скромной пищей, совсем не похожей на ту, что сейчас, скорее всего, ели в походном лагере. Было достаточно трудно довольствоваться похлёбкой и хлебом при воспоминании о запахе жареной свинины. Однако я находился в раздумьях во время приёма пищи, поэтому вкус еды меня мало волновал.

Отец Серапион пришел на трапезу позднее всех, вопросительным взглядом посмотрел на меня, я так же глазами и кивком головы дал понять, что поручение его выполнил.

Во время приёма пищи размышления не покидали меня. Вся эта история была очень подозрительна. Первое, что вызывало вопросы – это позиция её суженого. Как любящий человек, готовый взять в жёны такую красавицу, он должен был на руках её донести до храма, а не отказываться от помощи и занимать позицию ожидающего. Во-вторых, время, когда княжне становилось плохо, было строго после принятия напитка. Слишком поразительное совпадение, чтобы не вызывать соответствующих вопросов. Но сбить пил не только она, но и другие, а эти другие пребывают в хорошем самочувствии и добром здравии. Этот момент явно требовал дальнейших раздумий и большего анализа. Сейчас нужно вернуться в свою библиотеку, в мой тайный личный кабинет, где я мог бы провести опыты с жидкостью, которую я изъяс из чашки у дочки помещика.

Монахи стали готовиться к вечернему богослужению, а я, воспользовавшись тем, что никто не смотрит в мою сторону, спрятавшись за колонной и отправился в библиотеку. Первое время, когда никто не знал, какое удовольствие мне доставляет чтение книг, меня запирали в библиотеке и давали различные поручения. Эти задания не представляли для меня сложности, так как они обычно касались уборки библиотеки или описи рукописей, а в остальное время я читал. Книги были самые разные. Надо сказать, что эта библиотека была не совсем правильной с монашеской точки зрения. Здесь было полно книг совершенно разных мыслей, мнений и направлений. Однажды даже отец Серапион меня сильно отругал за то, что я посмел приоткрыть одну религиозную книгу. В гневе он мне сказал, что эти книги были отданы сюда на хранение, ибо демоново письмо не попадёт снова к своему хозяину, пока находится в стенах монастыря. Позже я тайком прочитал эту книгу — это было описание другой религии, не христианства, что объясняло столь бурную и гневную реакцию моего отца. Моими любимыми книгами, помимо религиозных, были уставные книги, благодаря которым я узнавал, как происходит стройка зданий, военные летописи, в которых было много интересного по искусству сражения, и переведённые с греческого богословские тексты, в которых я познал запрещённую в миру логику и анализ. Самыми практически полезными книгами были лечебные трактаты. Собственно, с них я начал своё знакомство с медициной, которое потом переросло в мою профессию в монастыре и посёлке.

В глубине библиотеки, в подсобном помещении, я организовал себе небольшой кабинет, где мог проводить опыты. Он представлял собой небольшую комнату с одним окном малого размера, которое больше подходило для ведения оборонительной стрельбы при осаде. В одной стороне стоял большой шкаф. На нём располагались мои записи и выдержки из прочитанных мною книг. Кроме них там стояли различные склянки, травы, маленькие инженерные изделия, сделанные Тихоном. Он, помимо охоты, крайне увлекался инженерным делом и постоянно мастерил какие-то небольшие изделия. Из всех обитателей монастыря, кроме меня, он посещал библиотеку чаще всего, читая книги, посвящённые строительству и проектированию.

В мой кабинет никто, кроме меня, не ходил и не хотел ходить. Братьям-монахам были интересны только религиозные постулаты, а мирских вообще не интересовали книги и чтение. Поэтому я очень хитро, под предлогом удобства, перенёс все эти книги поближе ко входу, а всё, что было интересно мне, наоборот – подальше. Таким образом, шанс того, что кто-то зайдёт в мой кабинет, был минимальным. О моём увлечении экспериментами с травами знали только Серапион и Тихон. Последний для подстраховки врезал в дверь замок собственной разработки.

В своём кабинете я занимался практическими исследованиями. Различные травы, зелья, порошки — всего этого было на самом деле достаточно, чтобы обвинить меня в язычестве и сжечь на костре. Меня выручало то, что все знали, что я лекарь, а это означало, что я всегда мог объяснить наличие того или иного вещества у себя в кабинете.

Первым делом, пока напиток в колбе был ещё относительно свежим, надо было испытать его на ком-то. Эффект наверняка уже ослаб, значит, нужен кто-то слабый. Для таких опытов идеально подходят мухи. Я достал коробку с парочкой мух, на которых я недавно экспериментировал. Достав одну муху, я прижал её к столу, чтобы она не улетела, и капнул несколько капель на неё из колбы. Через несколько мгновений муха сдохла. Повторил эксперимент со второй – результат тот же. Ожидаемо. У меня возникли определённые подозрения. Я взболтнул эту жидкость и подождал несколько минут. Жидкость перестала болтаться, и на самом дне появился совсем маленький осадок.

Остался последний эксперимент. Я достал медный пятак и опустил его в колбу. Поскольку предполагаемый мной эффект уже ослаб, пришлось подержать там монету минут тридцать. За это время я сделал уборку в библиотеке: протёр пол и начал сдувать пыль с некоторых книг в первых рядах. Вернувшись в комнату, я с помощью щипцов достал монету и пригляделся внимательно её осматривать. В нескольких местах на медном пятаке появился небольшой, едва заметный, тёмно-серый налёт.

Мои предположения оказались верными. Я прошёл в библиотеку и нашёл нужную мне книгу, чтобы ещё больше убедиться в их правоте. Пролистав несколько страниц, я нашёл описание того вещества, о котором подумал. Закрыв книгу, я выдохнул и поставил её на место. Теперь орудие преступления перестало быть неизвестным. Это был яд.

Раз это яд, значит, вопрос, когда дочь помещика снова напоят отравой, — лишь вопрос времени. Нужно срочно собрать всё, что может нейтрализовать яд, и придумать, как уговорить её кое-что делать и кое-чего не делать, чтобы ввести отравителей в заблуждение и не дать им окончательно отравить девушку.

Мысли потекли бурным ручьем. Я распахнул окно и стал дышать. Воздух был прекрасен. Небо чистое. Всё вокруг зелено. Пожалуй, один взгляд на чудесную природу, где я жил, мог сразу же поднять настроение и помочь отвлечься от любых плохих мыслей в голове.

– Святослав! Ты здесь? – услышал я голос Серапиона, прервавший поток моих мыслей. Его слова раздавались раскатистым эхом по пустому каменному помещению библиотеки.

– Да, отец! Сейчас подойду! – направился я ко входу в библиотеку, быстро закрыв дверь своего кабинета. Я старался, чтобы даже мой отец не был в курсе всех моих занятий и исследований.

Благодаря каменным полам и стенам звук разносился очень и очень далеко, и все просто звали меня при входе в библиотеку, зная, что я их услышу, где бы я в ней ни был. Это было очень удобно как для меня, который не хотел, чтобы его кабинет был достоянием чужих глаз, так и для других, которые не хотели проходить через большое помещение, где находилась библиотека.

– Святослав, почему ты не был на послеобеденном служении? – строго спросил меня Серапион. Несмотря на то что это была обязанность монахов, настоятель монастыря требовал на нём также присутствия мирских.

– Отец мой, я занимался своими обязанностями лекаря. У нашего знатного гостя заболела дочь, и он поручил мне её исцеление.

– Почему они не привели её сюда?

– Такова просьба её суженного. Они приняли решение разбить походный лагерь рядом с посёлком.

– Странно, – Серапион задумчиво посмотрел на стеллажи с книгами, потом в окно и замолчал. По его виду было видно, что он крепко задумался.

– Согласен, отец. Эта болезнь, мне кажется, намного более подозрительна и странна, чем она представляется на первый взгляд.

– Что ты имеешь в виду, Святослав? – мой отец резко перевёл взгляд с окна на меня.

– Я не хотел бы преждевременно говорить что-либо. Сначала нужно стабилизировать состояние девушки, а затем уже можно будет заняться происхождением недуга, – мне не хотелось прежде временно озвучивать свои выводы и результаты экспериментов.

– Ты только учти, что это тебе не деревенские работяги, а дочь помещика, – строго сказал Серапион. – Одного из самых влиятельных в Московском княжестве. Всё должно быть чётко, аккуратно и без лишних слов.

– Я понимаю, отец. Всё будет как вы сказали, – я часто обращался к отцу на вы, подчёркивая, как я его уважаю. – Позвольте, я продолжу сборы. Я обещал ещё раз вернуться к ним в лагерь, чтобы прочитать сударыне вечернюю молитву и напоить целебными зельями.

– Конечно, Святослав, – одобрительно кивнул Серапион. – На ближайшие дни ты освобождён мной от любых занятий. Направь все свои силы и умения на исцеление девушки.

Развернувшись, Серапион ушёл, а я остался заниматься своими делами. Убрав всё, что мне нужно было для опытов, я задумался о правильности своего решения. Мне хотелось, очень хотелось, провести это расследование самостоятельно. Это происшествие слишком сильно меня заинтересовало. В череде рутинных работ это дело казалось глотком свежего воздуха. Но дело касалось здоровья и жизни молодой девушки. Могу ли я рисковать этим? Вдруг её отравят до того, как я смогу разобраться в этом деле? Но если я сейчас выдам то, что удалось обнаружить, даст ли это эффект? Скорее всего, это просто спугнёт преступника. В этом случае проводить дальнейшее расследование будет намного сложнее, так как все узнают о нём. Если же отравитель находится среди жителей походного лагеря, то не исключено, что мне запретят и лечение девушки. Отравитель выбрал тактику постепенного отравления, без ударной дозы, значит, можно с большей долей вероятности сказать, что пока девушка в безопасности. Вечером я смогу ей предложить вариант, при котором она останется невредима, и преступник не догадается о начавшемся расследовании. Пожалуй, это верное решение. Пока никому не говорить о расследовании, кроме самой Дарьи Васильевны, а потом видно будет.

Итак, пришло время подвести черту и установить факты, которые удалось узнать. То, что дочь помещика была отравлена, уже не вызывало сомнений. Яд был подмешан в напиток. Это факт. Однако она пила его не одна, а значит, отравитель должен был находиться с ней рядом, чтобы яд не достался кому-то другому. Это даёт мне как минимум трёх подозреваемых. Отец вряд ли бы стал травить свою дочь. Непокорных дочерей обычно отправляли в монастырь. А тут единственная дочь, которая ведёт себя подобающим образом. Думаю, помещика Василия можно убрать из списка возможных отравителей. Суженый, сын второго помещика, подозреваем. Именно он настоял на том, чтобы разбили походный лагерь. Но какие у него могли быть мотивы? Про второго помещика сказать что-либо нельзя, так как информации о нём нет.

Ещё один вопрос, который не выходил у меня из головы: почему отравление идёт потихоньку, в малых дозах? Это не типично. Обычно, если травят, то на убой и сразу. Тут же картина иная. Либо отравитель не разбирается в ядах и всё время даёт недостаточную дозу девушке, либо его цель не убийство. Но если не убивать дочь помещика, то какой смысл её так мучить? Допустим, для того чтобы сорвать процедуру благословения. Кому это нужно? Ответа на этот вопрос у меня пока не было.

Нужно было придумать, как помочь девушке так, чтобы её отравители этого не заметили. К счастью, организм у неё крепкий, и дозы яда были малы. Однако это не гарантирует того, что преступники не изменят свой подход.

В плену своих размышлений я не заметил, как наступил вечер, а я ещё занимался описью новых книг в библиотеке. Надо было идти в лагерь наших гостей. Есть несколько идей, которые нужно претворить в жизнь. Уверен, девушка мне поможет в этом.

Время интересных разговоров

Подготовив всё необходимое, я выдвинулся к походному лагерю помещика Василия Сторожева. Воздух был по-вечернему хорош. Уже не так жарко, но и не холодно. Лёгкий ветер качал траву. Погружённый в свои мысли, я шёл по узкой тропинке.

Подойдя к месту, где расположен походный лагерь, я увидел, что ничего не изменилось. По-прежнему хмурые стражники с собаками охраняли его, бродя вокруг лагеря. Показав верительную грамоту, я прошёл внутрь лагеря. Слуги готовили ужин и потихоньку общались между собой. Я решился подойти к ним и поговорить.

– Доброго здоровья вам! – сказал я, отвесив небольшой поклон всей группе людей, которых видел. Сделал я это специально, чтобы показать им своё уважение. Когда показываешь своё уважение обыкновенному человеку, то они обычно становятся более приветливыми. Каждому приятно хотя бы на мгновение почувствовать себя выше по статусу, чем другой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.